

ЧЕТВЕРО В ЛЕСАХ

ОАЬГЯ ВУД

Ольга Вуд

Четверо в лесах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63995717

SelfPub; 2022

Аннотация

Мы давно увлеклись походами. Побывали во многих лесах, но в этой чаще всё было по-другому... Мы не знали, что нам готовит густой и тёмный лес. Но незнание не освобождает от ответственности. Потом же начались невероятные, сумасшедшие вещи, а мы хотели лишь одного: выбраться из этого леса, спастись от наваждения.

Ольга Вуд

Четверо в лесах

Меня никогда не прельщала болотистая местность. Она всегда казалась мне жуткой, невероятно опасной, жестокой и очень мокрой. Но она была не такой мокрой, как обычная вода или водоём. Водянистость болота была вязкой, неприятной, отталкивающей и дурнопахнущей. Каждый раз, когда наша компания отправлялась в поход в леса, я предупреждала, чтобы мы за многие метры огибали болото. Меня оно вводило в дрожь, словно я подсознательно ощущала опасность, исходящую от топи.

Особенно я стала остерегаться болот после просмотра фильма «А зори здесь тихие...». Вид, как одна из девочек погибает в трясине, пытаясь поспеть за помощью, и ей никто не помог, был невероятно раздирающим. Смерть в болоте – одинокая и долгая. Никто не пристрелит тебя, чтобы всё поскорей закончилось. Никто не вытащит, чтобы не пришлось медленно погибать от удушья. И именно из страха мучительной, той самой удушливой смерти я неосознанно обходила болота, потому как считала: если я настолько сильно боюсь именно такой смерти, то в будущем, в каком-нибудь одиноком году у меня случится подобный конец – когда никого рядом не окажется. И лишь голые, высокие стволы деревьев, да вонючий смрад болотной воды будут свидетелями свер-

шившегося моего первобытного страха.

Тем летом мы также собрались в поход. Решили побродить по малознакомым местам Смоленских лесов. Нас было четверо: я, мой брат – Костя, и два наших друга – Кир и Сава. Мне нравилась идея, что со мной будут трое мужчин – защитников, которые в случае чего смогут меня вытащить из передраги и уж точно из любой лужи, которой у меня хватит смелости испугаться.

В одной из деревень мы договорились с милой бабулей, что оставим у неё машину, переночуем, позавтракаем и наутро отправимся в лес, чтобы недельку по нему поблуждать и осмотреть достопримечательности. А там и вернёмся.

Те, кто редко бывает в лесу, не знают, что в нём можно встретить много чего интересно. Например, как-то мы наткнулись на кабанью тропу, по которой медленно шествовала семейка кабанов. Помню, меня тогда одновременно сковали и благоговение, и дикий страх: я знала, что кабаны в случае опасности могут напасть, да и в придачу сожрать человека. Но взрослые кабаны внимательно посмотрели на замерших людей, повели своими могучими, острыми мордами, и догадавшись, что мы ничего плохого не замыслиаем, отправились дальше по тропе, предоставляя нам возможность созерцать их чудных, пятнистых детёнышей.

Или был случай, когда мы в лесах Пермского края наткнулись на древнее капище. Не знаю, как его заметил Кир: оно было настолько заросшим и вросшим в землю, что я не сразу его разглядела и после того, как меня ткнули в него носом. Но рассмотрев, я поняла, что это чудо стоит того, чтобы его нашли, и, хотя бы раз после прямого назначения, заметили и воздали должное внимание. После той находки, ночью, лёжа недалеко от капища, мне казалось, что я слышу саму историю. То, как древние ведуны приходят в круг, как возносят требу и взывают к мудрости и милости богам. В ту ночь мне снилось, что я была одним из ведунов, которому поручили попросить у Дивии лёгких снов и чистой ночи. И у меня получилось. И именно после этого сна я узнала такие непривычные для меня слова, как «ведун», «треба» и имя «Дивия».

Тогда я думала, поход будет не сложным, потому как на смоленской земле в древности мало чего приключалось. Вот если бы мы производили раскопки, то точно бы нашли невероятные находки, оставшиеся, например, после Великой Отечественной войны. Но мы были латентными искателями: смотрели глазами, впитывали звуки ушами и собирали собственные истории о том, что «вон, среди деревьев двигаются ветки, возможно, это олень или лось».

Баба Нина радушно приняла нас. Накормила перед сном так, что я аж испугалась несварения, поэтому предложила парням пройтись. На что все, кроме Кира, отказались. Кир, насколько я знала, был слегка равнодушен ко мне и старался побольше бывать со мной наедине. Но он никогда не позволял себе вольностей, словно его симпатия была платонической, не более.

– Эй, ребятки, куда собрались? – неожиданно и тихо баба Нина появилась позади нас. Пришлось удивлённый возглас преобразовать в кашель.

– Прогуляться решили. Вы нас так вкусно и сильно накормили, что надо пройтись, – потрепал себя по животу Кир.

– Хорошо. Тока недолго. Да за деревеньку не шляйтесь, а то ищи-свищи потом вас, городских, – усмехнулась баба Нина и ушла в дом, чтобы, вероятно, предложить оставшимся Косте и Саве парного молочка.

Мы с Киrom переглянулись. Кир недоумённо пожал плечами: кто мог знать, какие привычки и приметы у деревенских. Для начала мы решили придерживаться их, а там будь что будет.

На улице стояла дикая тьма. Вот за что мне нравились путешествия под открытым небом: природа становится явной, показывает свои дивные стороны, которые ярче любого све-

тильника, нежнее любой человеческой ткани, красочней самого продвинутого экрана.

Звёзды сияли сильно и близко. Был август. И я знала, что со дня на день начнётся звездопад, поэтому-то мы и отправились в поход: хотели провести эти дни под звёздами, которые скатываются по небосклону и тают, словно наши мечты и надежды.

Избушка бабы Нины была единственной, которая светила ярче остальных: если уж мы где-то останавливались, то нужно, чтобы там было ясно, громко и максимально цивилизованно. Можно сказать, для нашей компании существовало две крайности: либо глухой, непроходимый лес, либо навороченное жилище с современными устройствами.

Луна на чернично-чёрном небе висела полная и освещала нам небольшую и единственную в деревеньке дорогу. Мы пошли в конец дороги, уходящей прямо в лес: Киру захотелось посмотреть на него сейчас, ночью, когда лес ещё не подзревает, что мы туда придём.

Кир был среди нас чудным и немного суеверным. Он со всей своей истинностью верил, что леса... нет, не так: Леса – живые и ведают о том, что в них происходит. Также он верил, что нечисть, упоминающаяся в древних сказаниях и сказках, действительно существует. Эта была одной из причин, почему он обычно вёл нас по лесу, предварительно перед этим переодев наизнанку носки под ботинками – чтобы леший не заплутал. Ещё Кир оставлял на берегах водоёмов монетки и

бусинки – задобрить водяных. Говорю же, чудной.

Эта его черта меня всегда восхищала: Кир веровал в то, что не видел. Мы с братом не были уж такими невеждами и неверующими, но бога мы не встречали (да и никто с ним не сталкивался) – поэтому относились к вере скептически. И ту нечисть, о которой часто упоминал Кир, тоже не видели. Поэтому-то Кир всегда для нас был этаким чудачком, но весёлым и открытым. Иногда же его вера была заразительна. Например, я заметила, что с недавних пор сама стала разговаривать с деревьями, словно в них живут некие духи, которые поймут меня и не будут хлестать по лицу ветками, и ронять на меня проклятых клещей с листьев.

... Мы неторопливо двигались к лесу. Вокруг стояла приятная августовская погода: чуть душновато, но в меру, уже с лёгким осенним дуновением, которое с каждым днём всё нарастает. Было легко и вольно, словно моя вторая сущность, которая не может жить без природной свободы, наконец вырвалась из каменных джунглей и заглатывает воздух шумно так, с придыханием, с истинным наслаждением.

Кир шагал рядом, мягко шурша по посыпанной мелким песочком дороге. Вначале Кир шёл уверенно и свободно. Но по мере того как мы приближались к окраине деревне, Кир стал двигаться дёргано и настороженно, что было на него не похоже. Но я не сразу обратила на это внимания: мало ли что он вспомнил.

Но с приближением к стене леса, закрывающей любой

просвет в небе, казалось, что Кир всё больше нервничал. А вот это уже насторожило и меня: не может так человек реагировать на природу, в которой проводит много времени и с которой на раз-два находит общий язык. Значит, расстроило его что-то другое.

– Кир, что случилось? Чего ты дёргаешься?

Кир испуганно повернулся ко мне и шумно, облегчённо выдохнул.

– Прислушайся... – Кир замер, не дыша, не двигаясь, даже ветерок перестал трепать траву у дороги. – Ничего не слышишь?

Мне захотелось пошутить про гул его трепыхающегося от необоснованного страха сердца, но спустя секунду я расслышала и другой звук: необъяснимый, инородный, которого в этом месте и тем более в такое время быть не могло.

– Это что, детский плач? – опешив, ответила я шёпотом.

– То есть ты слышишь. – Кир чуть расслабил плечи. Он задумчиво посмотрел в ту сторону, откуда шёл звук. – Там речка, верно?

– Вроде да. Но... Надо сходить проверить. Вдруг ребёнок один. Вдруг его бросили.

Но у меня не получилось ступить ни шагу в направлении реки: Кир крепко и очень больно вцепился в мою руку, не давая куда-либо двинуться.

– Не стоит туда ходить, – отозвался с опаской он. Кир забеспокоился, стал переступать с ноги на ногу, словно ему хо-

телось отсюда поскорей убежать. – Лучше пойдём обратно.

– Но мы не дошли до леса. И ребёнок...

– Спать пора. Завтра вставать рано, а впереди ещё долгие дни наедине с лесом. Надо быть во всеоружии, – погрустнел Кир и потащил меня к дому, который светился много меньше, чем когда мы выходили.

Только зайдя за калитку, Кир отпустил мою руку, которая уже перестала что-либо чувствовать. Кир угрюмо двинулся к избушке и пропал в её светлом чреве. Мне же захотелось ещё минутку постоять на воздухе и попытаться понять, что произошло там, перед лесной громадой, которая никогда не обижала и не пыталась вызвать страх.

– Ступай спать, дочка, – заставший меня врасплах старческий голос перепугал и заставил вспомнить, что баба Нина шугала меня не в первый раз. – Вам стока предстоит пережить, что здоровый сон не помешает.

– Что, простите?

– Говорю, ходить вам доведётся много. И ходить надо бережно и учтиво. Природа не терпит пренебрежения. С миром надо жить в гармонии, не стоит относиться к лесу недозволительно.

Такое ощущение, что в её словах было предупреждение. Только какое именно, я не могла разобрать. Баба Нина повернулась и уверенно прошаркала к избушке. Но я её окликнула:

– Бабушка, там на реке ребёнок плакал. Может сходить,

посмотреть?

– Шта? Опять? – она нахмурилась и поцокала, словно корила кого-то. – Да ты не переживай, эт игоша озорничает. Ступай-ступай спать, не мысли об этом.

Признаться, я ничего не поняла из того, что сказала баба Нина. Но то, что мне не хочется проверять и узнавать, кто такой этот гоша, было ясно как-то интуитивно. И отправилась я отдыхать под тихий плач за околицей.

Утро выдалось туманным. Казалось, кто-то разбросал нежную, лёгкую сероватую вату по периметру деревеньки. Само поселение проглядывалось чётко, словно и не было в мире никакого тумана, но за последним домом, начиналась дымчатая стена. Вспомнился фильм «Мгла», я истерично хихикнула, но быстро прикрыла ладонью рот, чтобы никто не подумал, что я нервничаю.

Но я действительно нервничала: нас ещё никогда не встречала природа так недружелюбно. Лес всегда радостно шелестел перед нами, приглашая, показывая и рассказывая. Но сейчас всё было иначе. Мы шли в лес, и я чувствовала, что с той стороны окон никто из жителей нас не провожает.

Баба Нина довела нас до калитки. На дорожку она что-то нашептала нам в спину и начертила неизвестный символ в воздухе: нечто похожее на перевёрнутую букву «А». Что

это было, я не разобрала, а спрашивать не хотелось. Понадеявшись, что она не прокляла нас или не пожелала скорейшей смерти (тьфу-тьфу-тьфу), мне показалось, что... баба Нина переживала, да, именно переживала. Но предостеречь или отговорить нас от дороги не пыталась. Просто проводила, нарисовала знак и отправила... куда-то.

За последним домом туман расступился, словно только и ждал, чтобы мы подошли ближе. Напротив, высоко задирая свои верхушки, стрекоча и просыпаясь, возвышался Смоленский лес, про который мы слышали невероятно красивые истории. И вот у нас появился шанс самим узнать, что в нём можно найти.

Но ступить под сень деревьев мы не успели. Кир преградил нам дорогу.

– Что ты задумал? – переглянувшись с Савой, спросил Костя. Видимо, они ещё с вечера успели обговорить, что Кир в этой поездке стал вести себя до крайности странно.

– Знаю, что это звучит дико и непонятно, но прошу вас последовать моему совету, – Кир напряжённо втянул воздух и выпалил, – выверните наизнанку носки.

Мне не понравился его тон. Он то ли боялся, что его засмеют, то ли переживал, что откажутся от предложения. И какое именно развитие событий он бы предпочёл, непонятно.

– И это нас уберёжет, верно? Не важно от чего. Просто уберёжет?

Мне захотелось поддержать Кира. Слишком уж он выглядел замученным и затюканным. Жалко его стало, вот я и решила немного вступить за друга.

– Теперь и ты веришь в эти россказни? – ошеломлённо глянул на меня Костя.

Вероятно, он не ожидал такой подставы от сестры-близнеца, но сколько уже можно нам плавать в одной лодке, пора и на бережок сходить.

– Верю – не верю, – пожала я плечами и начала расшнуровывать ботинки, которые так тщательно упаковала десять минут назад. – Лучше перебдеть, чем недобдеть.

Краем глаза я заметила, как Костя с Савой снова переглянулись. Сава хмыкнул, Костя тяжело вздохнул. И парни присоединились ко мне.

Через пару минут мы уже входили в тёмную, слегка туманную, невероятно глухую чащу, принявшую нас неприветливо и выжидающе.

Шли мы уже три часа. Молча. Солнце давно поднялось, но его не было видно. Лишь редкие светлые всполохи среди деревьев где-то слева от нас, подсказывали, что сейчас день. Но так легко было запутаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.